

Алексей Ткачук

Человек, и его Бог

Над горизонтом поднималось овальное солнце, желтое, как сочный лимон. Его тонкие лучи медленно разгоняли царивший мрак, словно уборщица, моющая ободок унитаза. Не слишком удачное сравнение, но все же.

Утренняя дымка постепенно заняла место, освобожденное отбывшей тьмой. Но вот и она, медленно рассеявшись, открыла миру серое пепелище, бывшее некогда городом. Сотня миль в ширину, еще столько же, в длину. А посреди – большая черная воронка, напоминающая лицо, страдающее гангреной. Лицо человека, долго находившееся под благопристойной маской, которую он внезапно решил снять.

От города не осталось ничего. Он был погребен под проклятым грунтом взорванного карьера. Посреди пустынного выжженного пространства торчала пожелтевшая вывеска кинотеатра, как сломанное ребро, оставшееся от превратившегося в прах скелета. Таким город предстал перед нашим взором.

Таким он был всегда.

Он был уничтожен. Посреди отвратительной черной воронки (пара десятков футов в диаметре) находился вход в шахту. Заваленный, и бережно скрытый от случайно брошенного взгляда, он смотрел на мир заплывшим глазом умирающего боксера. Последствия взрыва были ужасны, но то, что могло произойти, если бы взрыва не последовало, было в стократ ужаснее.

Но что это?

Сердцевина воронки, размером с голову не слишком-то умного футболиста, начинает пульсировать. Постепенно, словно сердце, возвращенное к жизни посредством дефибрилляторов, она усиливается. И вот уже вся воронка наполнена дрожью, потусторонним биением громадного сердца. И если в вас живет романтик, вы нашли бы это зрелище более чем отталкивающим.

Прямо посреди воронки клочки выжженной земли внезапно начинают подпрыгивать. Дрожь сильна. Слабая струйка вырывается оттуда, обогрив черную землю воронки. Багровая, как кровь (кровь?), жидкость вытекает из заваленного входа в туннель заброшенной шахты.

Струйка превращается в фонтанчик, а он, в свою очередь, в ручеек. Земля исторгает из своего лона потоки крови, заполняющие собой дыру в земле.

Кровь уже достигает краев воронки, начиная переливаться через край, а пульсация продолжается. Мерная, она время от времени то усиливается, то утихает. Ярко красная поверхность чудовищного бассейна бурлит, переливаясь под лучами утреннего солнца. Только солнце уже не утреннее, оно потемнело, стало черным и бросает тяжелую сумрачную тень на поверхность земли.

Озеро бурлит, словно там, в глубине туннеля, открывшегося, чтобы исторгнуть из себя создание, которого еще не видел мир, кто-то судорожно дышит. Дышит затем, чтобы восстать и перекрыть дыхание этому миру.

Внезапно поверхность странной
(кровь??)

жидкости расходится, и от туда появляется нечто, отдаленно напоминающее медвежью лапу, только в несколько раз превышающую ее в размерах.

Это нечто крепко хватается за край воронки, но он обрывается, и рука, если это вообще можно назвать рукой, уходит вместе с большим куском выжженного сланца под воду.

Кровь!

Вызвав фонтан алых брызг, из глубин снова вырывается рука (лапа! лапа!) и со всего маха хватается за землю там, где края воронки переходят в более-менее твердый грунт. Чудовищная конечность выбрасывает три громадных когтя, и буквально забивает их в землю.

Земля затряслась. Во все стороны полетели мелкие брызги крови, раскрасившие землю по краям воронки в цвета глубокого заката. Смешавшись с пеплом, капли крови образовали собой пятиконечную звезду, вершина которой глядела на восток, указующим перстом показывая на черное солнце. Громада чудовища пробкой вылетела из озера, как если бы сама земля вытолкнула его из своего мягкого и гостеприимного лона.

Создание приземлилось на нечто, отдаленно напоминающее задние конечности какого-нибудь деформированного животного.

Оно представляло собой помесь доисторического мамонта, научившегося ходить на двух ногах, и жирной слизистой медузы. Кроме четырех "нормальных" конечностей из его спины росли несколько щупалец, как у одного из многотысячной толпы врагов человека-паука.

Вместо лица у этого создания была звериная морда, в тоже время являющая собой лицевую сторону жирной туши осьминога. На месте глаз царила безбрежная пустота, чарующая, если бы не та тьма и дьявольская холодность, которые изливались из нее. В этот момент охотно веришь в легенду о безумной медузе, превращающей своих соперников в камень.

Там, в этих глазах, не было даже безумия. Глядя в них, ты понимаешь, что жизнь пуста и бессмысленна.

Все тело создания окружало мрачное свечение. Казалось, оно исходит от этих глубоких темных зрачков и окутывает собой всего зверя. Таким он предстал на сцене нашего театра. Рожденный пустотой и тьмой, дитя крови, он ухмылялся своей чудовищной ухмылкой.

Зверь пришел. *Тэк.*

Ранее утро радовало глаз.

Темпус, такой же черный, как и его машина, был погружен в себя. Впереди стелилось шоссе 50. Черный асфальт, время от времени прерываемый белыми разделительными полосами, был окружен призрачной колеблющейся дымкой.

Несмотря на ранний час, день стоял довольно жаркий. Наверное, такой же жаркий, как и тогда, в то памятное лето в Касл-Роке, когда бешенство одного

огромного сенбернара унесло жизни десятков местных жителей, и одного маленького, ни в чем неповинного мальчика. Его мама осталась жить, наверное, она и до сих пор живет, мучимая бессонницей или же иррациональными сновидениями, потерявшая всякий вкус к жизни. И никогда не знаешь, что же лучше.

Темпус Риддлер был родом оттуда. Стоит сказать, что мать мальчика была его близкой подругой. Не любовники, нет, а просто друзья. Как это иногда бывает.

Его мысли прервала неожиданная картина. На обочине, в нескольких милях в том направлении, куда он ехал, стояло что-то, отдаленно напоминающее маленький трейлер. Разглядеть что-либо еще было проблематично.

Когда до брошенного фургона оставалось всего несколько сот футов, Риддлер увидел, что его дверца распахнута. Судя по всему, покинут он был уже довольно давно.

Повинуясь неведомому чувству тревоги, он свернул на обочину. Его обычно ясное и открытое лицо несколько помрачнело, бросая сумрачную тень на красивые темно карие глаза. Не к добру это, ох, не к добру.

Покопавшись в бардачке, он достал серебристую зажигалку "Zippo", доставшуюся ему по наследству. Будучи заядлым курильщиком, его отец всегда носил ее с собой, а она, в свою очередь, служила памятью о нем. О тех днях, когда маленький черный Темпус, будущий менеджер крупной компании, сидел на коленях у своего нежно любимого отца, вдыхая запах выкуренного им табака и вертя в руках маленькую серебряную зажигалку.

Воспоминания нахлынули на Темпуса неудержимым потоком, но он прервал их, сунув зажигалку в карман. Те дни ушли. Его отец умер от рака легких и это все, что от него осталось. Такова жизнь, и не нам решать, кто останется, а кто уйдет.

Темпус открыл дверцу своего нового "сивика" и вышел из машины. Ветер пустыни обдал его лицо сухим мертвым жаром, которого он не чувствовал, сидя в машине, где работала новенькая система кондиционирования.

Темпус огляделся. Где-то вдалеке что-то поблескивало, отражая яркий свет утреннего солнца, но негр не придал этому большого значения. Направившись к брошенному фургону, он нечаянно наступил нечто мягкое. Поглядев под ноги, он увидел красивую белокурую куклу, безрукую, и к тому же раздавленную его тяжелым сапогом. Ее синие пластмассовые глаза осуждающе уставились на Темпуса.

– Извини, я не хотел, – произнес негр, выдавив из себя подобие улыбки.

Что-то тревожило его, и ему это совершенно не нравилось. Совсем.

Он откинул жалкую куклу носком сапога, и еще раз попытался улыбнуться. Что бы здесь не произошло, это не должно его касаться. Никоим образом.

Внезапно он заметил, что вокруг постепенно начинает темнеть. Подняв голову к небу, он увидел, что темная луна закрывает собой солнце, уже оторвав от него порядочный кусок.

Внезапно его пробрала легкая дрожь, которая была не такой уж и легкой, и его покинуло всякое желание заходить внутрь фургончика. Домик на колесах, черт бы его побрал. Вдруг Темпусу сильно захотелось попасть внутрь своей машины, и позабыть обо всем, что он здесь видел. И об этой чертовой кукле, тоже.

Он почувствовал, что вокруг начинает ощутимо холодать. Все посерело, слившись в единую сумрачную массу. Солнце уже почти исчезло.

Темпус повернулся, и направился к своей машине. Не доходя нескольких футов, он услышал, как сзади что-то зашуршало. Остановился.

Необъяснимый страх все глубже проникал в его одинокую душу, охватывая ее своими липкими и твердыми, как тиски, пальцами. Сжимал его, лишал надежды. Темпус обернулся.

Сначала он не увидел ничего, кроме привычного вида слегка присыпанной песком дороги и заброшенного фургона. Потом, поймав всю картину в целом, он заметил нечто, сидящее рядом с раздавленной куклой. Этим нечто был большой стервятник, черный, как самая темная ночь. Птица подняла свою плешивую голову, и поглядел на него своими темными глубокими глазами.

Темпуса начало трясти. Но не от вида птицы, ее *слишком* умных глаз, а, наоборот, оттого, что с ней начало происходить. Она менялась, ее форма колыхалась, как то марево вдалеке, от которого теперь не осталось и следа.

Там, где раньше сидела птица, теперь стоял человек в черном балахоне. Он напоминал Темпусу священника из одной старой книги, таким, каким он его себе тогда представлял.

“Священник” поднял опущенную голову, и Темпус заметил, что глаза его отливают красным, словно раскаленные угольки.

Незнакомец сделал шаг, другой, направляясь к застывшему в изумлении Темпусу. Не доходя нескольких метров, он остановился. Приоткрыл рот.

– Риддлер! – прозвучал голос.

Глубокий, как звук органа, он вывел Темпуса из того беспомощного состояния, в котором он находился.

– Остановись! – Человек в черном сделал еще один шаг. – Мне нет нужды называть себя. Ты не должен меня знать. Наши пути пересеклись, потому что на то была воля судьбы, и только ее. Я есть Безумие. Я есть Смерть. Но не твои.

Темпус стоял, молча переваривая полученную информацию.

– Слушай меня, и внемли моим словам. Ты должен сейчас же сесть в свою машину и повернуть обратно, туда, откуда ты приехал. Иначе ты плохо кончишь. Ты не властен над тем, что ждет тебя впереди. Поверь.

Темпус верил. Но что-то не поддавалось в нем, возможно, тот стержень, который всегда был там, на дне его души, чем бы он не занимался. Темпус верил незнакомцу, но также он понимал и то, что назад дороги нет. Все в руках судьбы, что и подтвердил этот человек своим невозможным появлением.

– Я вижу по твоим глазам, и знаю, какое ты принял решение. Я сожалею. Правда. Но, как сказал мой закадычный друг, дай Бог, или же Баал, ему здоровья,

который сейчас плетется далеко позади, – человек в черном неопределенно махнул куда-то в сторону пустыни, – все в руках ка. И знаешь что? Он оказался прав. Его вера в это не поколеблется, даже когда он лишится нескольких пальцев. *Дуд-а-чук, дуд-а-чак*, ведь так? – Лицо незнакомца исказила смешливая гримаса.

Темпусу вдруг сильно захотелось вцепиться в горло этому дьяволу, порвать его наглый рот и вырвать его болтливый язык. Но он понимал, что именно этого тому и надо. Ну уж нет!

– Уходи. Судьба, или как ты там ее называешь, ошиблась, послав тебя сюда. Уходи, – произнося эти слова, Риддлер с трудом удержал себя от того, чтобы не бросится на собеседника.

Он отвернулся от человека в черном, и решительно направился к машине. Позади слышалось легкое шуршание черных крыльев, но Темпус не стал оборачиваться. Обернулся он только тогда, когда, достигнув одиноко стоящего "сивика", взялся за ручку его блестящей дверцы.

Смотреть было не на что.

Ничего, только ветер, гонящий спутанные перекасти-поле по пустынному шоссе. Ни стервятника, ни куклы, ни фургона. Только теперь Риддлер осознал, почему происходящее сразу показалось ему несколько нереальным. Ну не должно было быть здесь этого фургона, ну никак.

Значит, он был лишь приманкой. Поводом остановится. Значит, не одна лишь судьба приложила к этому руку.

Иронично усмехнувшись своей догадке, Риддлер открыл дверцу, и уселся на переднее сиденье своей машины. Все-таки он был человеком не из робкого десятка.

Нужно было подумать. Очень хорошо подумать.

Вот так он сидел, и думал, бездумно уставившись в зеркало заднего вида, глядя в пустоту. Он не сразу заметил, что сзади к его машине подъезжает синий "каприс".

На бортах автомобиля были символы полиции штата, и еще какие-то, невиданные доселе Темпусом. На них была выведенная красным надпись "Безнадега". Вероятно, название какого-нибудь города, затерянного на просторах пустыни, хотя он и не мог сказать наверняка.

"Каприс" с включенными мигалками проскочил мимо, даже не притормозив.

Если здесь такая трахнутая полиция, то как же рулят местные водилы, подумал Темпус, проследив взглядом отдаляющуюся машину. Глупая мысль. Он ненавидел глупые мысли. Человек практичный, по своей природе, он склонялся к веским доводам, нежели к мистике с легким налетом интуиции. Хотя, может, тот фараон преследует кого-нибудь? Почему же, вполне возможно. Но не его, это точно. Возможно, призраков.

Когда полицейская машина исчезла за горизонтом, Риддлер посчитал, что решение найдено. Повернув ключ в замке зажигания, он медленно вдавил педаль

газа. Переведя машину на вторую передачу, он направил ее в сторону, куда уехал "каприс". Туда он направлялся в самом начале, туда поедет и сейчас.

Езда сказывалась на нем положительно. Нервы успокоились, и он опять превратился в того хладнокровного "цветного", который добился высокого положения среди сотни зажавшихся белых. Ку-клукс-клан, блин, нашелся.

Проехав мимо дорожного знака с прибитым к нему трупом неизвестного животного, он даже не удивился. Ему случалось встречать разных говнюков, в том числе и сатанистов на протяжении своего длинного жизненного пути. И некоторые из них были вполне нормальными парнями, просто имеющими иные взгляды на жизнь. Остальные же занимались тем, что мучили собак и кошек.

Он вел машину почти рефлекторно, призвав на помощь многолетний опыт черного таксиста. Темпус знал, куда ему надо попасть. Уже знал. Теперь миссия, данная ему, не казалась такой уж бессмысленной, как раньше.

Однажды, возвращаясь домой с работы, он увидел двух человек, тащивших третьего. Как он узнал впоследствии, это у них называлось обрядом посвящения. Под покровом темноты он приблизился к ним, насколько это было возможным, и стал наблюдать.

Они остановились, один из них вытащил нож. Другой из заплечного мешка достал нечто, по форме напоминавшее голову животного, собаки. Тело, которое они тащили, оставалось недвижимым, валяясь у их ног. Темпус чувствовал, что этот человек все еще жив.

Человек, вытащивший нож, судя по всему, главный, взял голову из рук своего приятеля. Воткнув нож туда, где, по идее, должны были находиться глаза (точно Темпус не знал, поскольку вокруг стояла непроглядная тьма), он достал небольшую флягу. Сделав это, человек подставил ее под сочащуюся из головы кровь.

Темпус подумал, что она, голова, должна была быть "свежей", раз кровь еще не свернулась или не вытекла. Плавно передвигаясь, он подобрался еще ближе к участникам ритуала. Они, судя по всему, этого не заметили.

Поскольку действие происходило в парке перед домом Темпуса, там было, где спрятаться. Находясь в десятке метров от ночных гуляк, которые, само собой, ими не являлись, Темпус наблюдал, готовясь к действиям.

Тем временем "гуляки" подхватили под руки валяющееся тело и перевернули его на спину. Открыв рот телу, главарь вылил в нее содержимое фляги. В этот момент Темпус рванулся, повинаясь беззвучному приказу.

Сбив плечом того, который стоял ближе к нему, он поспешно отскочил. Сбитый им остался лежать без движения. В свете, одиноко падающем из окна дома напротив, Темпус увидел, что из головы человека ручейком текла кровь вперемешку с мозгами. Вероятно, разбил голову при падении, подумал Темпус.

Второй, не уступающий Риддлеру в реакции и силе, отбросил флягу и, перебросив нож из левой руки в правую, выставил его перед собой. Кровожадно улыбнулся.

В этот момент лежащий на земле человек очнулся. Закашлявшись, он выплюнул часть крови, которой его щедро напоили. Темпус оставалось только удивляться его выдержке, когда “жертва” выхватила нечто *очень* острое, блеснувшее в призрачном свете, и воткнул это в ногу своего мучителя.

Лицо мужчины исказил звериный оскал. Вскрикнув, он, не глядя, метнул нож в сторону лежащего на земле человека. Попал. Нож по рукоять вошел в плечо меченого, заставив того застонать.

Лишенный оружия, с торчащей из ноги рукоятью, человек все равно попытался бежать. Темпус, не обращая внимания на крики раненого, выхватил из его плеча кинжал и метнул в убегающего. Тот мешком повалился на землю, не добрав пару футов до спасительного подъезда.

Больше Темпус Риддлер ничего помнил. Все словно в тумане, наполненном зловещими тенями.

Он подошел к лежащему на земле человеку...и увидел там самого себя. Темпус, израненный и умирающий, прошептал что-то Риддлеру, стоящему над ним. И скончался.

Яркий свет. И вот уже Темпус Риддлер *здесь*, едет по шоссе 50 навстречу неизвестности.

По краям шоссе можно было видеть ровные цепочки теней, бредущих в сторону, противоположную той, куда направлялся Темпус. Среди них выделялась одна, скорее всего даже не тень, а настоящий – живой человек.

Здоровенные револьверы в тяжелых кобурах, болтающиеся по бокам его кожаного пояса, выглядели почти смешно, если бы не вид человека, владеющего ими. Он знал свое дело, это точно.

Повернув голову, стрелок (Темпус догадался, кто это!) поднял руку и приветственно помахал Темпусу, кивнувшему в ответ. Он исчез, чтобы продолжить свой вечный путь, без цели, без смысла.

Яркий свет. И вот уже Темпус Риддлер *там*, едет по шоссе 50 навстречу пугающей неизвестности.

Затмение кончилось и мир вокруг предстал перед его пустым взором в своих обычных цветах и красках. Серость исчезла, словно ее и не бывало.

Постепенно пустота в его глазах сменилась привычным для него пытливым взглядом, оживившись. Темпус очнулся и увидел, что въезжает в какой-то город.

Города на самом деле не было, он знал это, но предпочитал думать по-другому. Проезжая по пустынным улицам несуществующего города он улыбался идущим на встречу людям.

А это, наверное, полицейский участок. А вот и тот взбесившийся “каприс”, только надписи на его передних дверцах изменились. Раньше это была “Безнадега”, а сейчас...

Но он уже проехал мимо, направляясь в сторону видневшегося вдалеке карьера. Да, именно туда ему надо попасть. Теперь он знает, знает все, до конца.

Магазин, кинотеатр, прачечная, еще магазин. Муниципалитет. И вот он уже возле карьера, а город остался далеко позади. Пространство растягивается, знаете ли.

Как только его черный "сивик" остановился, мир вокруг начал меняться. Город исчез, карьер исчез. Вокруг все выжжено, вернулась та мертвенная серость, что преследовала его все это время.

Выйдя из машины, он подошел к черной воронке, скрывающей под собой вход в заваленную штольню. Прямо перед ним, возвышаясь на несколько десятков футов, стоял ухмыляющийся Тэк.

– Я знал, что ты преjdeшь ко мне, о *Изменяющийся!* – Тэк склонил голову в подобострастном поклоне.

– Ты уверен, что нам нужно делать это? Я ли Избранник?

Темпус обращался к созданию, не поднимая головы. Он чувствовал темные и угрожающие, и в тоже время дружественные волны, исходящие от него.

– *Тэк ах лах*, ты ли это? Изменяющийся, ты что, забыл, какие великие дела мы вершили с тобой в былые времена! Вместе!

– Да, *Князь*, ты прав, – выдержав небольшую паузу, Темпус продолжил. – Если маленький Спаситель не смог уничтожит тебя, используя своих друзей, значит ты действительно готов.

И в этот момент мир озарился светом, время повернулось вспять, возвращаясь к тому моменту, когда начался этот день. Черный рассвет пришел незаметно, сгущая тени и наполняя темноту истинной тьмой.

Только два создания стояли недвижимо, Тэк, и Темпус, Князь, и Изменяющийся. В черном урагане они воссоединились, черное солнце осветило их отделившиеся души, и воссоединило их в едином порыве.

Плоть от плоти Тьмы, Тэк перестал быть Тэком и стал Темпусом. Темпус изменился, и предстал миру в образе Тэка. Чудовище, получившееся от этого слияния, было отнюдь не чудовищем. Во всяком случае, внешне.

Человек в черном довольно ухмыльнулся. Время вернулось к тому моменту, когда Тэк-Темпус начали процесс воссоединения. Все было хорошо. Все было прекрасно.

Раннее утро радовало глаз...

Заметка из газеты "Касл-Рок Ньюз" за 13.09.00:

"Сегодня ранним утром был обнаружен труп человека по имени Темпус Джордж Риддлер. Его личность засвидетельствовали в таксомоторной компании, где он работал одним из многочисленных таксистов.

По предварительной версии он умер от потери крови, поскольку был серьезно ранен ножом, найденным рядом с трупом. Кроме того, там были найдены полуразложившаяся голова собаки и пустая фляга со следами крови в ней. Представители городской полиции отказываются давать какие-либо сведения, кроме того, что убийство, возможно, было совершено кем-то из культа сатанистов, повсеместно оставляющим свои следы по всему городу..."

Примечание автора:

Поскольку это произведение является фэнфиком, совпадение имен и названий находится в пределах разумного и не должно быть расценено, как плагиат.

Убийца Темпуса так и не был найден.

Сентябрь 2005 года.